Интеллигенция и мир. 2026. № 1. С. 143—160.
Intelligentsia and the World. 2026. No. 1. P. 143—160.

Научная статья
УДК 94(4).08
EDN https://elibrary.ru/rbxicz
DOI: 10.46725/IW.2026.1.7

Научная специальность ВАК
5.6.1. Отечественная история
5.6.2. Всеобщая история

ВЕХИ БИОГРАФИИ ТЕОДОРА ГЕРЦЛЯ. СИОНИЗМ И АНТИСЕМИТИЗМ В КОНЦЕ XIX — НАЧАЛЕ XX В. (Окончание. Начало: «Интеллигенция и мир». 2025. № 3. С. 108—128; № 4. С. 67—92)

Александр Ефимович Локшин
Институт востоковедения РАН, Москва, Россия, ale-lokshin@yandex.ru, SPIN-код: 9023-6560, https://orcid.org/0000-0003-4185-5729

Ключевые слова: Австро-Венгрия, антисемитизм, Германия, Герцль, евреи, Палестина, «Протоколы сионских мудрецов», дело Дрейфуса, Российская империя, сионизм, Франция

Для цитирования: *Локшин А. Е.* Вехи биографии Теодора Герцля. Сионизм и антисемитизм в конце XIX — начале XX в. (Окончание. Начало: «Интеллигенция и мир». 2025. № 3. С. 108—128; № 4. С. 67—92) // Интеллигенция и мир. 2026. № 1. С. 143—160.

Original article

MILESTONES IN THE BIOGRAPHY OF THEODOR HERZL. ZIONISM AND ANTISEMISM IN THE LATE XIX — EARLY XX CENTURIES (End. Beginning: “Intelligentsiia i mir”. 2025, no. 3: 108—128; no. 4: 67—92)

Aleksander Ye. Lokshin
Institute of Oriental Studies, RAS, Moscow, Russia, ale-lokshin@yandex.ru, SPIN: 9023-6560, https://orcid.org/0000-0003-4185-5729

© Локшин А. Е., 2026

Keywords: Austria-Hungary, antisemitism, Germany, Herzl, Jews, Palestine, “Protocols of the Elders of Zion”, Dreyfus affair, Russian Empire, Zionism, France

For citation: Lokshin, A. Ye. (2026), ‘Milestones in the biography of Theodor Herzl. Zionism and Antisemitism in the late XIX — early XXI centuries (End. Beginning: “Intelligentsiia i mir”. 2025, no. 3: 108—128; no. 4: 67—92))’, *Intelligentsiia i mir* [Intelligentsia and the World], no. 1: 143—160 (in Russ.)

Герцль в Париже

Как отмечалось выше, в Париж Теодор Герцль прибыл осенью 1891 г. В тот период, известный как la belle epoquė — «прекрасная эпоха» (между 1871 и 1914 гг.), столица Франции являлась центром импрессионизма, рождения литературного модернизма, появления ряда технических новшеств, местом проведения Всемирной выставки 1889 г., приуроченной к 100-летию Французской революции. Входной аркой выставки стала построенная к тому времени Эйфелева башня. Вместе с тем эти годы наполнены бурными социальными потрясениями, свидетелем которых стал Герцль.

В Париже он пробыл почти четыре года. Он знал о событиях, связанных с дуэлью и гибелью капитана Ж. Майера, и в своей газете сообщил о смерти этого молодого офицера и о его впечатляющих похоронах. Враждебная для евреев атмосфера антисемитизма во Франции не столь тревожила тогда Герцля — куда б***о***льшую обеспокоенность вызывали юдофобские идеи и антисемитское движение в Германии и Австро-Венгрии. В «Neue Freie Presse» («Новой свободной прессе») он писал об антисемитизме как разновидности ксенофобии. Евреи же, которым свойственны честь и благородство, подобно капитану Майеру, замечал Герцль, вызывали уважение во французском народе. Еще одним свидетельством этого стало участие огромного числа людей в похоронах Майера.

Теодор Герцль прочел «Еврейскую Францию» Эдуарда Адольфа Дрюмона и познакомился с ним в доме писателя и драматурга Альфонса Доде, также причислявшего себя к антисеми-

там. Иррациональный политический стиль писаний Дрюмона привлекал Герцля. В своем дневнике, став на путь обращения в сионизм, он признавался: «Нынешней свободой суждений я во многом обязан Дрюмону, потому что он — художник» [Herzl, 1922: 110]. А быть художником в политике означало для Герцля отказ от позитивистского анализа тех или иных явлений в обществе.

Важным источником для размышлений стала целая череда общественно-политических событий во Франции, свидетелем многих из них был он сам. Годы социальных катаклизмов, агрессивного анархизма и ужасающего террора, скандалов в парламенте, безудержной классовой борьбы, коррупции в высших эшелонах власти, подлинных или мнимых шпионских историй, выступления студентов — многое из этого нашло отражение в репортажах и фельетонах Герцля в «Neue Freie Presse». Он ставил важный вопрос: в чем же ценность того парламентского строя, который разъедается изнутри коррупцией и не в состоянии противостоять нападкам извне. Герцль обратил внимание и на вопрос, который стал интересовать в то время европейских и русских социологов, а именно — психология толпы. «Я пристально занимался феноменом масс — долгое время без какого-либо понимания этого явления», — вспоминал он впоследствии [Ibid.: 6]. Социалистическое движение во Франции, в представлении Герцля, являлось не чем иным, как формой группового примитивизма, внушавшего ему благоговейный ужас. Он стал свидетелем успеха масс, выступавших против судебной системы. После ареста лидера социалистов Поля Лафарга жители Лилля вернули ему свободу, избрав на парламентских выборах своим депутатом в палату представителей. Герцль выражал симпатию рабочим — несчастным рабам машин, собравшимся на митинг: «Это ощущение мощной темной силы, которая еще заявит о себе: сотни крепких голов и вдвое больше крепких кулаков <…> Это только один округ в одном городе Франции» (цит. по: [Bein, 1934: 161]). Страшная своей силой толпа в то же время аморфна и подвержена влиянию. Он заключал свой обзор событий 1892 г. апокалипсическим прогнозом будущего самой Франции: «Тот, кто воочию наблюдал бурные заседания Национального собрания, представлял картину кипящих страстей Конвента (1792 г.). Глупости и преступления неизменны, подобно

самому человечеству. Настойчиво преследуют воспоминания — так это было и сотню лет назад, накануне кровавого года. Погребальный звон предвещает: “Девяносто три!”» (цит. по: [Ibid: 154]). Погружение в общественно-политическую и культурную атмосферу Франции fin de siècle — «конца века» — стало для австрийского журналиста не только обретением нового политического опыта, но и разочарованием и потерей веры в либеральные ценности, в их жизнеспособность. Даже дома, на родной почве, во Франции либерализм терпел поражение.

Герцль писал об избирательной кампании 1893 г. и отмечал триумф чарующей силы демагогии, его победу над здравым политическим смыслом. Он начал смотреть на «народ» как на «толпу, массу». В этом разочаровании в демократическом процессе во Франции можно найти истоки более поздних политических суждений Герцля и как сиониста. Всё, о чем писал в ту пору Герцль, не могло не вовлечь его в обсуждение и еврейского вопроса. В сравнении с другими общественными явлениями, он считал эту проблему второстепенной и периферийной. Еврейский вопрос, писал Герцль, является лишь одним из аспектов современного общества и может быть разрешен одновременно с другими социальными проблемами. Хотя именно его же знания и жизненный опыт ставили под сомнение эти утверждения. Однако, как прежде, Герцль был обеспокоен проблемой спасения всего общества. Он предлагал организовать государственные общественные работы. Начать переселение безработных, которые, по сути, являются потенциальными революционерами, из городов в сельскую местность для занятий там общественно-полезным созидательным трудом. Эта, как он называл, «внутренняя колонизация» должна стать неким «средним путем» между социализмом и свободным предпринимательством для решения накопившихся проблем в обществе. Подобный подход к социальным реформам проявился и в более поздних планах Герцля, касавшихся строительства будущего еврейского государства. Однако в 1893 г. он еще не связывал себя с евреями, а стремился помочь австрийскому либерализму преодолеть идейный кризис, вызванный острыми общественными проблемами, заявившими о себе в belle èpoque.

Герцль в те годы выступал с различными, подчас противоречивыми идеями решения социальных проблем и еврейского вопроса. Иногда эти проекты можно было отнести к сфере литературных фантазий, но не к реальной жизни. Среди таких мер он, например, называл защиту чести и достоинства путем организации дуэлей с клеветниками евреев [Herzl Year Book, 1960: 78—79]. Он, как и прежде, ставил в центр проблему достоинства евреев. Герцль отказался от участия в созданном видными немецкими и австрийскими интеллектуалами «Союзе защиты от антисемитизма». И не соглашался с мнением о том, что решить проблему антисемитизма в обществе можно путем убеждения. Свое нежелание сотрудничать с печатным органом «Союза» Герцль объяснил неэффективностью рациональной критики антисемитизма: «Давно прошло то время, когда возможно было достигнуть чего-либо при помощи вежливых и умеренных средств». При симптомах антисемитизма лучшим средством, писал он в письме к «Союзу», было бы обращение «к грубой силе <…> полдюжины дуэлей чрезвычайно сильно поднимут престиж евреев в глазах общества» [Ibid.]. В одной из литературных фантазий, которые он поверил своему дневнику, Теодор Герцль намеревался вызвать на дуэль вождей австрийского антисемитизма Георга фон Шёнерера, Карла Люгера и князя Алоиза фон унд цу Лихтенштейна. В случае своей гибели он хотел оставить предсмертную записку, гласящую, что его уход является мученической жертвой «самого несправедливого движения на свете». В случае же смерти противника он видел себя в зале суда в качестве обвиняемого, выступающего с речью против антисемитизма. И, суд, отдавая должное его благородству, вынес бы оправдательный приговор, а евреи избрали бы в рейхстаг, но он, с присущей ему скромностью, отказался бы от этого предложения [Schorske, 1981: 160—161]. Исполненные собственного достоинства, театральные вызовы на дуэль отличались старомодностью, духом феодализма и аристократизмом, и куда в меньшей мере стремлением к свободе; они явно не могли стать основой для решения еврейского вопроса.

Другой «действенный», по убеждению Герцля, способ борьбы с антисемитизмом, который к тому времени приобрел расистский характер, состоял в куда более банальной идее —

ассимиляции: добровольном и массовом крещении евреев и обращении в католицизм. Но осуществление этой цели он, судя по дневниковой записи, замыслил необычным способом. В 1893 г. Герцль предложил заключить эпохальное соглашение с Римским папой. При помощи глав Католической церкви в Австрии он намеревался встретиться с ним и просить о помощи в борьбе с антисемитами. В свою очередь, Герцль готов возглавить «мощное движение свободного и достойного перехода евреев в христианство <...>. При ярком свете дня, в воскресный полдень, под звон колоколов, торжественной процессией с гордо поднятой головой», обращенные вступят в католический собор св. Стефана — национальный символ Австрии и ее столицы Вены. В сравнении с теми, кто крестился по причине карьеры или малодушия, эти люди не будут испытывать стыд [Herzl, 1922: 8].

Для светского либерала предложение о массовом крещении евреев через Римско-католическую церковь было очень странным и архаичным. Тем не менее, свои прежние фантазии Герцль привнес в будущую дипломатию возникшего сионистского движения: аристократические манеры, критическое отношение к либерализму, драматический жест и стремление опереться, прежде всего, на желание и волю и тем самым изменить существующий порядок. Именно эти качества стали присущи многим харизматическим политикам XX столетия. Впрочем, тогда эти литературные фантазии Герцля пребывали на страницах его дневника и в написанных им театральных пьесах. Они были далеки от реальности и не привели к оформлению политической программы. Общим для этих идей было то, что в них отсутствовал даже намек на призыв к переселению евреев.

В октябре 1894 г. в Париже поставлена пьеса Александра Дюма-сына «Жена Клода», написанная в 1873 г. В ней один из персонажей — еврей по имени Даниэль — вызывал у публики особые симпатии и призывал своих соплеменников вернуться в Палестину (см.: [Дюма (сын), 1962]). В отзыве об этой постановке и содержании пьесы Герцль отрицательно отнесся к такой идее. Он заявлял: «Евреи до сих пор не являются единым народом <…> Они укоренились в разных культурах и нациях и отличаются друг от друга, представляя собой различные группы населения» (см.: [Bein, 1934: 100]). Он еще находился в плену прежних воззрений.

Герцль жил фактически двойной жизнью, продолжая сотрудничать с «Neue Freie Presse» и защищать либеральные идеи, — но к освещению еврейского вопроса вскоре стал подходить с иных позиций. Немногим более чем через год он написал программный трактат, содержавший платформу политического сионизма. На формирование новых воззрений Герцля оказали влияние драматические события во Франции и Австрии в 1894—1897 гг.

«Дело А. Дрейфуса»

В середине октября 1894 г. был арестован офицер французской армии Альфред Дрейфус. Он принадлежал к ассимилированной еврейской семье из Эльзаса, которая вскоре после Франко-прусской войны 1870—1871 гг. перебралась в Париж. Во Франции молодой человек закончил ряд военных учебных заведений, показав блестящие математические и инженерные способности. А. Дрейфус в звании капитана служил в генеральном штабе французской армии — этом, по определению историка С. Г. Лозинского, «убежище умирающей аристократии», где был единственным евреем [Лозинский [б. д.]: 331]. Служебная карьера Дрейфуса была прервана арестом. Его ложно обвинили в государственной измене и шпионаже в пользу Германии. Речь шла о передаче немецкой разведке секретной информации. Так появилось знаменитое «Дело Дрейфуса».

Обвинения против офицера-еврея рассматривались на закрытых заседаниях, при этом доказательства обвинения не прошли необходимой тщательной проверки. Антисемитский печатный орган Дрюмона «La Libre parole» («Свободная речь») стал первой из парижских газет, сообщивших об аресте шпиона-еврея. Реакционная и клерикальная печать развернула по этому случаю шумную кампанию, публиковала якобы достоверные сведения, что Дрейфус признал свою вину. Суд над ним, состоявшийся вскоре, фактически стал судилищем. В нем имели место подлоги, сфабрикованные доказательства и наветы, подстрекательства толпы против евреев. 22 декабря 1894 г. судьи единогласно признали Дрейфуса виновным в государственной измене и шпионаже и приговорили его к пожизненной ссылке.

5 января 1895 г. на Марсовом поле в Париже Дрейфус был подвергнут процедуре унизительного разжалования. Восклицания Дрейфуса «Я не виновен!» и последнее прости «дорогой Франции» вызвали у некоторых из присутствовавших на той позорной церемонии сомнения в совершенном им преступлении. Но толпа в ответ на крики Дрейфуса отвечала антисемитскими возгласами.

Вскоре было установлено, что документ, на основании которого Дрейфуса предали суду и осудили, был написан майором французской армии Фердинандом Эстергази. Как выяснилось, он и являлся подлинным немецким агентом. Но Дрейфус свободу не получил. Его «дело» приобрело новый оборот. Антисемиты заявляли, что в Европе организован еврейский синдикат, его цель — междоусобная война во Франции и компрометация генерального штаба. В ряде городов прошли демонстрации, толпа кричала: «Да здравствует армия!» и «Долой жидов!». В Алжире — французской колонии — антиеврейские выступления переросли в кровавые акты насилия.

Герцль присутствовал на суде над Дрейфусом, и то чувство унижения, которое пришлось ему испытать, нашло отражение в его публикациях. Хотя в виновности Дрейфуса были убеждены многие видные представители французского общества, Герцль, несмотря на недостаток свидетельств, выражал в этом явное сомнение. Он исходил из собственного опыта, психологии и интуиции ассимилированного еврея, ориентированного на аристократические ценности и добившегося успеха в христианском обществе. Герцль заметил итальянскому военному атташе, полковнику Александру Паниццарди: «Еврей, который начал свой путь как офицер Генерального штаба, не может совершить подобного преступления. После долгих веков гражданского бесчестья, евреи сегодня обладают часто болезненной жаждой чести; и еврей-офицер в этом отношении — еврей в квадрате» (цит. по: [Bein, 1934: 188—189]). В воплях черни предательство Дрейфуса объяснялось его происхождением. Четыре года спустя Герцль вспоминал, что в той ошибке республиканского правосудия «отразилось желание огромного большинства французов проклясть еврея, а в лице этого одного еврея, всех евреев в целом». Это произошло «в республиканской современной цивилизованной Франции, спустя сто лет

после принятия Декларации прав человека». Он заявлял: «Эдикт Великой революции аннулирован» [Ibid.: 189].

На суде, связанном с пересмотром «дела Дрейфуса», который состоялся 11 января 1898 г., Ф. Эстергази предстал как жертва клеветы евреев и был оправдан. Через день в газете «L'Aurore» («Заря») появилось открытое письмо писателя Эмиля Золя президенту страны Феликсу Фору «Я обвиняю!». Он обвинил генеральный штаб, министров и военные суды в том, что они сознательно, с целью выгородить настоящего изменника Эстергази, шли на фальсификации. Смелое письмо Э. Золя вызвало сильный общественный резонанс. В Париже было продано 200 тыс. номеров газеты. На фоне поддержки призыва писателя тысячами французов власти начали его преследование. Золя был признан виновным в клевете, приговорен к году тюрьмы и штрафу в 3 тыс. франков. Писатель был вынужден бежать в Англию. Во Франции же возникли движения дрейфусаров и антидрейфусаров. Страна раскололось на два лагеря.

В ряды защитников Дрейфуса вошли многие видные деятели. В частности, лидер социалистов Жан Жорес, государственный деятель и журналист Жорж Клемансо, писатель Эмиль Золя. Дрейфусары объединили демократов, правозащитников и интеллигенцию. Они, создав «Лигу прав человека», выступили против «военной и клерикальной диктатуры», связали борьбу за реабилитацию Дрейфуса с судьбой республики. Антидрейфусары, объединявшие клерикально-монархические и националистические круги, создали «Лигу Французского Отечества» и стремились ввести в стране военную диктатору.

Между тем Эстергази публично признался, что он автор письма, за которое был осужден Дрейфус. Под давлением новых фактов общественное мнение всё более стало склоняться в пользу Дрейфуса. В правительстве после того, как президентом Франции стал либерально настроенный Эмиль Лубе, всё чаще стали заявлять о необходимости пересмотра решения суда по этому «делу». Однако «улица» оставалась на стороне противников Дрейфуса. Горожане избивали сомневавшихся в его виновности, называли их предателями, продавшимися Германии и евреям.

В август—сентябре 1899 г. в 300 км западнее Парижа, в г. Ренне, состоялся новый процесс по «делу Дрейфуса». Ежедневно в городе проходили антисемитские демонстрации. Генералы и офицеры, выступавшие на суде как свидетели обвинения, исходили из прежних показаний о виновности Дрейфуса. Большинством голосов суд вынес Дрейфусу обвинительный приговор, но, учитывая «смягчающие обстоятельства», приговорил к 10 годам заключения, 5 из которых он уже отбыл. 19 сентября 1899 г. президент Франции Э. Лубе помиловал А. Дрейфуса, амнистия была предоставлена всем осужденным по этому делу. Полная реабилитация невинно осужденного произошла лишь в 1906 г. «Последним эхом столь громкого дела» историк Лозинский назвал покушение на Дрейфуса во время переноса в пантеон останков Золя в 1908 г. [Лозинский, [б. д.]: 340]. Тогда офицер был ранен.

Свои дрейфусары и их противники были и в России. Во время процесса над А. Дрейфусом Антон Павлович Чехов был во Франции. Историк и социолог Максим Максимович Ковалевский вспоминал, что зимой 1897—1898 гг. писатель прочитывал все газеты. Его интересовало, что пишут о «деле Дрейфуса». Первый раз он сообщил о своем постоянном внимании к «делу Дрейфуса» в конце 1897 г. В письме из Ниццы в Москву редактору «Русских ведомостей» Василию Михайловичу Соболевскому А. П. Чехов писал: «Я целый день читаю газеты, изучаю дело Дрейфуса. Помоему, Дрейфус не виноват» [Чехов, 1964a: 177]. Вскоре после письма Эмиля Золя Антон Чехов сообщал из Ниццы литературному критику Федору Дмитриевичу Батюшкову: «У нас только и разговору, что о Золя и Дрейфусе. Громадное большинство интеллигенции на стороне Золя и верит в невиновность Дрейфуса <…> от его протестующих писем точно свежим ветром повеяло, и каждый француз почувствовал, что, слава Богу, есть еще справедливость на свете <…> французские газеты чрезвычайно интересны, а русские — хоть брось. “Новое время” просто отвратительно» [Его же, 1964b: 189]. Дружеские отношения связывали Чехова с литератором и издателем газеты консервативного направления «Новое время» Алексеем Сергеевичем Сувориным, в которой писатель сотрудничал. Он отправил А. С. Суворину, по его же собственным словам, «длинное письмо». Чехов сообщал, что во время

публичного разжалования Дрейфус «вел себя как порядочный, хорошо дисциплинированный офицер, присутствовавшие же на экзекуции <…> кричали ему: “Замолчи, Иуда!”, т. е. вели себя дурно, непорядочно. Все вернулись с экзекуции неудовлетворенные, со смущенной совестью <…> Пошли небылицы. Дрейфус — офицер, насторожились военные; Дрейфус — еврей. Насторожились евреи <...> Заговорили о милитаризме, о жидах. Такие глубоко неуважаемые люди, как Дрюмон, высоко подняли голову; заварилась малопомалу каша на почве антисемитизма, на почве, от которой пахнет бойней. Когда в нас что-нибудь не ладно, — продолжал Чехов, — мы ищем причин вне нас и скоро находим: “Это француз гадит, это жиды, это Вильгельм” <…> Капитал, жупел, масоны, синдикат, иезуиты — это призраки <...> Они, конечно, дурной знак. Раз французы заговорили о жидах, о синдикате, то это значит, что <…> они нуждаются в этих призраках, чтобы успокоить свою взбаламученную совесть» [Его же, 1964с: 191—192]. Из-за «дела Дрейфуса» отношения между Чеховым и Сувориным были прерваны.

«Дело Дрейфуса» сыграло важную роль в идейно-политической и психологической трансформации Т. Герцля. В А. Дрейфусе он увидел и самого себя — еврея, говорящего на одном языке с окружающим его христианским сообществом, преданного ему, но вместе с тем ощущающего невидимую стену между собой и окружающими, болезненно чувствующего свое бесправие, обнаруживающего себя в «новом гетто». Пьеса под таким названием написана Герцлем в октябре—ноябре 1894 г. Ее действие автор отнес на год раньше в Вену. Трагический герой пьесы — адвокат доктор Яков Самуэль, человек с чувством собственного достоинства, который пребывал в конфликте и с еврейской общиной, и христианским миром. Он не желал цель жизни видеть в погоне за материальными ценностями, а именно из того исходили его соплеменники. Оставалась чуждой для него и ничем не оправданная жестокость христианского мира. Самуэль погиб на дуэли, на которой защищал честь всех евреев. Его убил христианин. Последние слова Самуэля: «Братья мои, евреи! Зачем вам удерживать меня силой? Я хочу — уйти! Уйти — за пределы гетто!» [Герцль, 1898: 71]. Герой пьесы пытался вырваться из состояния несвободы, печали, неудач и бессмысленности самого существования, постоянной угрозы антисемитизма в

условиях «просвещенного» Запада, покинуть невидимое «новое гетто». Поставив свою пьесу в театрах ряда европейских стран, Герцль надеялся начать откровенное и открытое обсуждение в обществе положения евреев и путей решения еврейского вопроса. Это сочинение не отличалось особыми литературными достоинствами, но важно для понимания идейно-политической трансформации Герцля. В нем он вышел за рамки литературы. «Новое гетто» — произведение политического характера.

Осуждение Дрейфуса, юдофобские крики толпы во время его разжалования, свидетелем которых стал Герцль, всплеск антисемитской риторики в речах политиков и печати, демонстрации, вероятно, не могли не повлиять на решимость направить его усилия на то, что он еще сам не мог ясно ни осознать, ни определить. Возможно, что «дело Дрейфуса» оказалось недостаточным для завершения длительной идейной эволюции Теодора Герцля, начало которой можно отнести еще к 1882 г., когда он ознакомился с расистскими взглядами Евгения Дюринга. Несколько бурных дней мая 1895 г., наконец, заставили его отказаться от какого-либо ассимиляторского решения. Тогда он узнал о запросах во французский парламент о законодательном запрете на еврейское «проникновение» во Францию. «Инициатива» во многом оказалось сходна с законопроектом, ограничивающим права евреев в Австрии. Предложен он был всегерманским лидером антисемитов Шёнерером. А вскоре Люгер впервые добился необходимого большинства голосов в венском городском совете. В конечном счете, император Франц-Иосиф и его кабинет утвердили Люгера на посту бургомистра Вены.

Все эти события побудили Герцля окончательно утвердиться в своем новом качестве. Его политическая позиция определилась. Одна за другой нити, еще недавно прочно связывавшие его с христианской культурой, уходили в небытие: дружба; Французская республика с ее будто бы национальной терпимостью; мечты о человеческом достоинстве евреев, достигаемые путем ассимиляции; австрийский либерализм, который обрел крах в самой его цитадели — Вене.

«Те евреи, которые захотят, будут иметь свое государство»

Узнав о результатах венских выборов, Теодор Герцль направился в театр, где слушал оперу Рихарда Вагнера «Тангейзер». Его потрясла и музыка, но главное — сюжет оперы, в основе которой лежали немецкие легенды о средневековом поэте Тангейзере. По возвращении домой Герцль в состоянии экзальтации набросал план своей будущей книги, основная идея которой — призыв к евреям покинуть Европу и создать в Палестине еврейское государство. Что мог сказать Герцлю романтический герой оперы Тангейзер? Чем эта опера стала созвучной для столь эмоционального литератора и человека, каким был Герцль? Воспоминания и желание главного персонажа вернуться на родину, к самому себе встретили у Герцля особый интерес и понимание. Мог ли он почувствовать в нравственном освобождении Тангейзера некую аналогию его собственному стремлению к возвращению к народу? Сложно дать однозначный и определенный ответ. Для Герцля музыка и сюжет оперы Р. Вагнера могли послужить примером превосходства чувства над разумом, народа — над толпой, молодого и полного сил бунта — над старым и закостенелым порядком.

14 июня 1895 гг. он записал в дневнике: «Страна, где мы сможем жить с крючковатым носом <…> и при этом не будем объектом осмеяния. Страна, где мы сможем, в конце концов, жить, как свободные люди на своей земле; страна, где мы будем так же, как и другие, пользоваться уважением; за великие и добрые дела, где мы будем жить в мире со всем миром» [Herzl, 1922: 16].

Книга «Еврейское государство. Опыт современного решения еврейского вопроса» оказалась судьбоносной для автора и положила начало мировому сионистскому движению. Герцль призывал евреев проснуться «от своего тупого окоченения». Он писал: «Мы — народ, единый народ» [Герцль, 2008: 30]. Еще совсем недавно он критически относился к подобному утверждению. Но теперь заявил: «Пора уже нам, наконец, жить свободными людьми на собственной земле» [Там же: 140]. Желание и воля народа, по убеждению Герцля, и станут теми факторами, которые смогут превратить мечту в реальность. Он отмечал, что евреи, которые захотят иметь свое государство, заслуживают его. «Это не сказка, не обман! Каждый может в этом убедится, ибо каждый переносит

с собою часть Обетованной Земли» [Там же: 139]. На вопрос, на какой территории следует создать еврейское государство, ответ однозначен: «Палестина — наша незабвенная историческая родина. Одно это имя было бы могучим объединяющим лозунгом для нашего народа» [Там же: 57].

Герцль может быть отнесен к новой породе политиков Европы эпохи fin de siècle — «конца века», демонстрирующих неповиновение реальности и ее власти. Он отрицал позитивистское видение истории и отдавал предпочтение психической энергии масс. В качестве доказательства главенства иррационального начала в политике он обращал внимание на то, как произошло объединение Германии: государство можно создать из невесомых фантазий, парящих высоко в воздухе. Германская империя, считал Герцль, возникла из фантазий, песен, мечтаний и черно-красно-золотистых ленточек. Отто фон Бисмарк лишь потряс дерево, взращенное мечтателями. Уже сам факт, что евреи сохранили себя как народ является доказательством силы мечты, силы их религии-фантазии, поддерживающей их уже на протяжении двух тысяч лет. Сейчас они должны иметь новую, современную систему символов — собственное государство, собственное общественное устройство.

Изначально сторонник ассимиляции Герцль стал идеологом кардинально иных воззрений, известных как политический сионизм. Он готов был стать лидером, принять на себя всю ответственность в процессе предложенного им самим же способа решения еврейского вопроса, в спасении соплеменников от тяготеющего над ними гнета, порождаемого антисемитизмом. Претерпев за несколько лет сложную идейную эволюцию, он отказался от своих прежних убеждений. Всеми доступными ему способами он стал проповедовать, как ему представлялось, только им выношенную идею о том, что евреям следует оставить места многовекового обитания в Европе и возвратиться на древнюю родину — в Палестину. И создать там еврейское государство.

Заключение

Возникновение и развитие национально-освободительных движений народов в ряде европейских стран, европейского национализма и антисемитизма стали решающими факторами, повлияв-

шими на становление политического сионизма. Это обстоятельство, наряду с процессами эмансипации евреев в странах Центральной и Западной Европы, позволило Герцлю и первому поколению сионистов ощущать легитимность и насущную востребованность своей миссии.

Время показало, что многие ожидания положительных результатов и последствий, вызванных эмиграцией евреев из различных стран, на что так рассчитывал Герцль, не осуществились. Не были реализованы страстные обещания, что исход евреев неизбежно приведет к исчезновению антисемитизма и еврейской диаспоры. В самом начале своего программного сочинения «Еврейское государство» Герцль решительно отрицал, что его книга носит характер одной из «милых утопий, которые так часто появлялись и до, и после Томаса Мора» [Его же, 1896: 2]. Переселение произойдет «постепенно, без всяких потрясений, и уже его начало есть конец антисемитизма». Если евреи «будут сидеть на своей собственной земле, их нельзя будет рассеять по всему свету. Диаспора не может повториться, пока не рухнет вся культура мира» [Его же, 2008: 136]. Действительно, с образованием Израиля в результате массового переселения туда сотен тысяч евреев диаспора уменьшилась, но не исчезла, более того — возникло явление, которое противоречит всем канонам сионизма. Весьма заметное число израильтян пожелали покинуть еврейское государство. Возникла и на протяжении уже десятилетий, наряду с еврейской диаспорой, существует израильская, численность которой растет, и она не смешивается с еврейской. Герцль ожидал, что новое государство будет обладать нейтральным статусом и будет жить в мире и дружбе со своими соседями. История Государства Израиль с момента рождения в мае 1948 г. оказалась не столь оптимистичной.

После смерти Герцль стал олицетворением сионизма. Его портреты вывешены в школах и учреждениях Израиля; в каждом израильском городе есть улица или бульвар, которые носят его имя; город, расположенный севернее Тель-Авива, — Герцлия. Значим тот факт, что имя Герцля носит холм — «гора Герцль» в Иерусалиме. На нем расположены мемориальный центр и музей «Яд ва-Шем», главное военное кладбище, могилы сионистских и израильских деятелей. В 1949 г. останки Герцля были перенесены с кладбища в Вене в Иерусалим. Впрочем, имя Герцля, писавшего

о светском государстве со своей конституцией, где религия была отделена от государства, современные политики религиозных партий предпочитают не упоминать. Продолжателем политического наследия Герцля заявляет себя в настоящее время правоцентристская партия «Наш дом — Израиль» во главе с Авигдором Либерманом.

Обращение к процессам и явлениям конца XIX — начала XX в. открывает новые возможности для релевантного изучения и понимания общественно-политической атмосферы, в которой формировались антисемитские идеологемы и зарождался политический сионизм, а также иные формы еврейского национального возрождения и реакция в мире на эти процессы. Несмотря на наличие обширной литературы по истории европейского антисемитизма, необходимо продолжить изучение этого феномена, уделяя особое внимание анализу антисемитизма в арабских и исламских странах. Отдельного разговора требует усилившийся в последние годы антисемитизм в Соединенных Штатах.

Политическое творчество и организаторская деятельность Теодора Герцля представляют один из самых первых и ярких образцов, имевших важные последствия для миллионов евреев в на Западе и на Востоке. Усилия Герцля не были напрасными. Высказанные в книге «Еврейское государство» идеи, созданная им на Первом сионистском конгрессе в 1897 г. Всемирная сионистская организация, принятая тогда Базельская программа заложили фундамент движения.

Герцль умер 3 июля 1904 г. Во многом на преждевременный уход Герцля повлияла его бурная деятельность, разногласия и незаслуженные обвинения своих соратников в том, что он поддержал «план Уганды». Герцль стал первым еврейским деятелем, который еврейский вопрос вынес за пределы домашних споров. Он сделал его частью сознания мировой общественности и превратил в важнейший фактор современной политики.

Список источников

Герцль Т. Еврейское государство: Опыт современного решения еврейского вопроса. СПб.: Тип. М. М. Стасюлевича, 1896. 104 с.

Герцль Т. Новое гетто: пьеса в 4-х действиях. Одесса: Я. Х. Шерман, 1898. 72 с.

Герцль Т. Еврейское Государство: опыт современного решения еврейского вопроса: сб. / вступ. ст. Б.-А. Хаим. М.: Книжники, Текст, 2008. С. 29—140.

Дюма А. (сын). Жена Клода: драма в 3-х действиях / пер. Г. Вольде. М.: Отд. распространения драм. произведений ВУОАП, 1962. 67 с.

Лозинский С. Дрейфус // Еврейская энциклопедия. Свод знаний о еврейской культуре в прошлом и настоящем / под общ. ред. Л. Каценельсона и Д. Г. Гинбурга. С.-Пб.: Об-во для науч. еврейск. изд. и изд-во «Брокгауз—Ефрон», [б. д.]. Т. VII: Данциг—Ибн-Эзра. Стлб. 330—341.

Чехов А. П. Письмо Соболевскому В. // Собр. соч.: в 12 т. М.: Худ. лит-ра, 1960—1964. Т. 12: Письма 1893—1904, 1964a. С. 176—177.

Чехов А. П. Письмо Батюшкову Ф. // Собр. соч.: в 12 т. М.: Худ. лит-ра, 1960—1964. Т. 12: Письма 1893—1904, 1964b. С. 189—190.

Чехов А. П. Письмо Суворину А. // Собр. соч.: в 12 т. М.: Худ. лит-ра, 1960—1964. Т. 12: Письма 1893—1904, 1964c. С. 191—194.

Bein A. Theodor Herzl. Biographie mit 63 Bilder und einer Ahnentafel. Vienna: Fiba Verlag, 1934. 736 S.

Herzl T. Tagerbücher, 1895—1904: drei baende. B.: Jüdischer Verlag, 1922. 659 S.

Herzl Year Book: in [9 vol.] / ed. R. Patai. N. Y: Herzl Press, 1958—1989. Vol. III: Herzl Centennial Issues. 280 p.

Schorske C. Fin-de-Siècle Vienna: Politics and Culture. N. Y.: Vintage Books, 1981. 384 p.

References

Bein, A. (1934), *Theodor Herzl. Biographie mit 63 Bilder und einer Ahnentafel*, Fiba Verlag, Vienna, Austria.

Chekhov, A. P. (1964a), ‘Letter to V. Sobolevsky’, in Chekhov, A. P., *Sobranie sochinenii: v 12 tomakh* [Collected Works: in 12 vol.], vol. 12: Letters 1893—1904, Khudozhestvennaia literatura, Moscow, Russia: 176—177.

Chekhov, A. P. (1964b), ‘Letter to F. Batyushkov’, in Chekhov, A. P., *Sobranie sochinenii: v 12 tomakh* [Collected Works: in 12 vol.], vol. 12: Letters 1893—1904, Khudozhestvennaia literatura, Moscow, Russia: 189—190.

Chekhov, A. P. (1964c.), ‘Letter to A. Suvorin’, in Chekhov, A. P., *Sobranie sochinenii: v 12 tomakh* [Collected Works: in 12 vol.], vol. 12: Letters 1893—1904, Khudozhestvennaia literatura, Moscow, Russia: 191—194.

Dumas, A. (son) (1962), *Zhena Kloda: drama v 3-kh deistviiakh* [Claude's Wife: a drama in 3 acts], Transl. by Wolde, G., Otdelenie rasprostraneniia dramaticheskikh proizvedenii Vsesoiuznogo upravleniia okhrany avtorskikh prav, Moscow, Russia.

Herzl, T. (1896), *Evreiskoe Gosudarstvo: opyt sovremennogo resheniia evreiskogo voprosa* [The Jewish State: The experience of a modern solution to the Jewish question], Tipografiia M. M. Stasiulevicha, Saint Petersburg, Russia.

Herzl, T. (1898), *Novoe getto: p'esa v 4-kh deistviiakh* [The New Ghetto, The play consists of 4 acts], Ia. Kh. Sherman, Odessa, Russia.

Herzl, T. (1922*), Tagerbücher, 1895—1904: drei baende*, Jüdischer Verlag, Berlin, Germany.

Herzl, T. (2008), *Evreiskoe Gosudarstvo: opyt sovremennogo resheniia evreiskogo voprosa: sbornik* [The Jewish State: The experience of a modern solution to the Jewish question: collection], Intro. Art. by B.-A. Chaim, Knizhniki, Tekst, Moscow, Russia: 29—140.

Lozinsky, S. [Undated], 'Dreyfus', in Katsenelson, L. and Ginnburg, D. G. (eds), *Evreiskaia entsiklopediia, Svod znanii o evreiskoi kul'ture v proshlom i nastoiashchem* [The Jewish Encyclopedia, A Collection of Knowledge on Jewish Culture, Past and Present], Obshchestvo dlia nauchnykh evreiskikh izdanii i izdatel'stvo «Brokgauz—Efron», Saint Petersburg, Russia, vol. VII: Danzig—Ibn Ezra: 330—341.

Patai, R. (ed.) (1960), *Herzl Year Book: in* [9 vol.], vol. III: Herzl Centennial Issues, Herzl Press, N. Y, N. Y.

Schorske, C. (1981), *Fin-de-Siècle Vienna: Politics and Culture*, Vintage Books, New York, N. Y.

Статья поступила в редакцию 20.01.2025; одобрена после рецензирования 19.02.2025; принята к публикации 26.02.2025.

The article was submitted 20.01.2025; approved after reviewing 19.02.2025; accepted for publication 26.02.2025.

Информация об авторе / Information about the author

А. Е. Локшин — кандидат исторических наук, ведущий научный сотрудник отдела по изучению Израиля и еврейских общин, Институт востоковедения РАН, Москва. Россия.

A. Ye. Lokshin — Candidate of Science (History), Leading Research Fellow at the Department of Israel and Communities, Institute of Oriental Studies, Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia.